

№ 85.143
Мн 942

СКАЗКИ О ХУДОЖНИКАХ

Дивагобеский, Шишкин,
Басняцов, Саврасов, Репин,
Поленов, Левитан,
и многие другие

БЕЛЫЙ ГОРОД

СКАЗКА ПРО ТАЙНУ

Федор Рокотов (1730-е — 1808)

Когда мальчик Федя Рокотов был еще совсем маленьким, у него уже была Тайна. И очень хотелось Феде со своей Тайной повстречаться, поговорить. Только никак у него не получалось.

Тайна — это от слова «таиться», то есть прятаться, скрываться. А Федя с детства любил в прятки играть. Еще когда в деревне жил. Выгонял босоножий Федя гусей на луг ранним-ранним утром. А на лугу туман лежит. И кажется Феде, что там, в тумане, его Тайна прячется. Торопится Федя, бежит, гусей хворостиной подгоняет. Добежал. А где же Тайна? Только трава мокрая, да цветы-цветики с капельками росы. Спряталась Тайна, затаилась.

Портрет Артемия Ивановича Воронцова

А потом взяли Федю жить в усадьбу, в господский дом. Господский дом в селе Воронцове старый, деревянный, скрипучий. Хорошо в нем в прятки играть. Спрячется Федя на чердаке среди всякой рухляди, мальчишки его ищут, а он затаится и смотрит, как пылинки пляшут в солнечном луче. И думает о своем.

Все дети своих родителей знают — маму, папу, дедушку, бабушку. Кому повезет, у того еще братья и сестры есть. А вот Федя своих родителей не знал. Кормили его в господском доме, воспитывали, читать-писать учили, а вокруг она — Тайна.

Портрет чиновника

Портрет А.Г. Бобринского, сына Екатерины II, в детстве

«Где же она прячется? — думал Федя. — И как ее поймать? В тумане я уже ловил, не поймал. Где же еще? Может, в людях она? А где же в людях? Наверное, в глазах. В глазах человека душа отражается». Не зря говорят, что глаза — зеркало души.

Полюбил Федя в старинные зеркала заглядывать. Смотрит из зеркала на Федю худенький мальчик с круглыми щеками и серыми большими глазами. А Тайны не видно. Разглядывает Федя исподтишка, чтоб не обидеть человеческие глаза. И вот чудо: у всех людей глаза разные, да еще и меняются день ото дня. Когда человек радуется, у него и глаза весельем искрятся, печалит-

Портрет Екатерины II

ся — словно туманом глаза заволокло.

Пришло время Феде ехать в Петербург, в столицу, учиться. В то время Петербург столицей был, не Москва. В Петербурге дворцы, в Петербурге царь живет со своей семьей, да с князьями, дворянами и прочими знатными людьми.

Петербург Федю поначалу ошеломил: уж слишком там всего много и все большое — не то, что в селе Воронцове. Федя и из дома сначала выходить опасался. Потом стал гулять по набережным, дворцы, мосты рассматривать. От воды

Портрет Е.Б. Юсуповой

Портрет Екатерины II

Портрет неизвестной в розовом платье

в Петербурге туманы, а сквозь туман прекрасные дворцы в каналах, как в зеркале, отражаются. А весной и в начале лета колдовское время в Петербурге — белые ночи. Ни день, ни ночь. «Сижу, читаю без лампы...» — так поэт Пушкин о ночи писал. Понял Федя: есть и в Петербурге своя Тайна.

Поступил Федя в Академию художеств. Сам всесильный граф Иван Шувалов за него хлопотал. Почему так? Что за дело покровителю Академии Шувалову до крестьянского мальчика из села Воронцово? Никто не знает. Опять Тайна Федина.

В Академии Федя учился прилежно и старательно. Картины писал, как было принято — важные люди,

пышные одежды. Но с каждого Фединога портрета, словно из темного зеркала, смотрит на зрителя какая-то загадка... «Что ж это у меня получается-то?» — думал Федя. И не находил ответа.

Постепенно стал Федор Рокотов модным художником. Многие знатные и богатые люди хотели, чтобы Федор их портреты написал, или жен их, или детей. Рокотов никому не отказывал. Ведь время-то какое было? Не прошлый, не позапрошлый, а поза-поза-прошлый век. Вот как давно. Про фотографии никто и слыхом не слыхивал. И заменяли фотографии портреты. Их вешали на стены, как теперь складывают фотографии в семейный альбом.

Портрет Варвары Ермолаевны Новосильцевой

Портрет Прасковьи Николаевны
Ланской

Большое было Федору Рокотову доверие при царском дворе. Написал он портрет императора Петра III. Потом великого князя Павла Петровича, будущего царя. Совсем еще ребенок Павел, всего-то семь лет. А глядит важно. Написал портрет императрицы Екатерины II. Вот уж где важность-то! В руке скипетр, на голове корона. Царица!

Разных людей рисовал Федор. И молодых прекрасных женщин, и мужчин, и детей, и старух. Всем нравилось. И все видели: необычные картины у Федора Рокотова. Живет в них какая-то тайна. Словно туман какой-то клубится, краски как будто мерцают... Странные портре-

ты, живые. «И я такой хочу, и я...» — говорили друг другу петербургские вельможи. Разбогател Федор, дом купил, большую мастерскую оборудовал. Один уже с заказами не справляется. Набрал себе учеников. Сам только головы на портретах пишет, а ученики остальное пририсовывают.

Все у Феде удачно складывается. Картины хвалят, денег много, друзей тоже. Дружит Федор с самим Михайлой Ломоносовым — великим русским ученым. Вместе с ним мозаики цветные делает. А что-то все же успокоиться не дает. Тайна так в руки и не дается.

Поехал Федор в далекие заморские страны. Побывал в Италии. Там самые знаменитые художни-

Портрет неизвестного в треуголке

Мужской портрет

ки, скульпторы и архитекторы раньше жили. Когда-то Федя по их картинам рисовать учился. Красиво здесь, солнце яркое, море синее-зеленое, люди смуглые, глаза у людей блестят, как черные маслины. Посмотрел Федор на Италию, на картины. Кое-чему еще научился. Но Тайны не нашел. Да и домой тянет — сил нет.

Вернулся в Петербург и снова стал портреты писать. Все говорят: ярче стали у Федора Рокотова портреты, помогла, видать, поездка в Италию, на родину всяческих искусств.

Однажды зимой Федя не выдержал. Отправил учеников по домам,

← Портрет Варвары Николаевны Суровцевой

сам задержался в мастерской позже всех. Уж ночь на дворе, даже кареты по мостовой не стучат. Где-то собака воеет, луна по небу плывет, от мороза за тучи прячется. Огляделся Федор. Смотрят с портретов, словно из зеркальных рам, удлинённые загадочные глаза. Клубится прозрачный воздух-туман, спорит с неизвестно откуда взявшимся светом.

— Тайна, ты здесь? — спрашивает Федор.

— Здесь, конечно, — отвечает Тайна из лунного луча. — Я всегда здесь.

— А чего ж не показываешься? Я тебя с самого детства искал. На луг бегал. В зеркала глядел. В страны заморские ездил...

Портрет Александры Петровны Струйской

— Что ж, зря съездил, что ли? — спрашивает Тайна.

— Ну, почему зря? — смутился Федор. — Много повидал, многому научился. Превидные у них в Италии мастера были. Чудеса кистью и резцом творили. Своими глазами на это поглядеть — радость великая и наука мне.

— Вот видишь, не зря, значит, съездил. И все не зря.

— А ты-то как же?

— А я, Тайна, на то и есть, чтоб стремиться ко мне, бежать за мной. А пока бежишь, гляди, как много всего случилось. Был ты крестьянским мальчиком-пастушкой, а теперь? Богат, знатен, при дворе государевом принят, академиком стал, от заказов на портреты отбою нет...

Портрет великого князя
Петра Федоровича

— Да разве ж это главное?! — вскричал Федор. И так ему обидно стало, аж слезы на глаза навернулись. Неужто он всю жизнь за этим вот бежал?

— Правильно, — отвечает Тайна. — Не это. Главное — это то, что твое искусство радость людям несет. И не только. Глядят люди на твои портреты, задумываются и лучше сами себя понимают. И, верь мне, годы пройдут, века, а так же смотреть будут и задумываться. И по твоим портретам судить будут о людях, что сейчас в России живут.

— Что ж, выходит, не увидеть мне тебя никогда? — закручинился Федор.

— Отчего же не увидеть, если я в каждом твоём портрете живу? — удивилась Тайна. — Пока ты кисть

Портрет князя Д.М. Голицина

в руках держишь, пока людям и искусству служишь, я всегда с тобой. Взгляни и увидишь меня.

Зажег Федор свечу, обвел взглядом картины, что стояли у стен и на полу мастерской, и... увидел. Разные люди, разные глаза смотрят на него с портретов. Лукавые, грустные, важные, печальные. И в каждом из них — Тайна неразгаданная, к которой художник лишь приблизился слегка, лишь чуть-чуть кистью обозначил. Но и не увидеть этого нельзя.

— Спасибо тебе, — сказал Федор. И низко-низко Тайне поклонился.

— А я-то тут причем? — рассмеялась Тайна, и словно бубенчики по мастерской рассыпались. — Это все ты сам, своими руками да сердцем сотворил. Чтобы в каждом человеке тайну увидеть и показать ее, много-много работать надо. А ты и работал. Не так что ли?

— Так, — подумав, ответил Федор. И выпрямился.

И раньше Федора люди спрашивали: что вы в портретах своих показать хотите? Не знал Федор, что им ответить. Говорил невнятно: сходства ищу, как свет падает, как материал себя ведет... Теперь, после разговора с Тайной, отвечал твердо: «Честь, изящество, достоинства душевные...»

И правда. Есть все это на его портретах.

Портрет графини И.Д. Уваровой

***

Много лет прошло с той поры. А Тайна Федина до сих пор жива. Не веришь? Взгляни на портреты кисти Федора Рокотова. Видишь ее? Вот она, Тайна, глядит загадочными глазами словно из зеркальной рамы.

Почти двести лет спустя поэт написал, глядя на один из женских портретов художника:

*Ее глаза, как два тумана,
Полуулыбка, полуплач...
Это про нее, про Тайну...*

СКАЗКА ПРО КАЗАКА БОРОВИКА И ВОЛШЕБНУЮ БАБОЧКУ

Владимир Боровиковский
(1757—1825)

Давным-давно в Малороссии (так называли Украину), в городе Миргороде, жил-был славный казак по имени Лука, по прозвищу Боровик.

Верный конь да востра сабелька — лучшие казаку друзья.

И сам Лука Боровик, и отец его, и братья, и деды, и прадеды — все служили в Миргородском казацком полку, участвовали в военных по-

Портрет гр. Анны Ивановны Безбородко с дочерьми Любовью и Клеопатрой

И. Бугаевский-Благодарный
Портрет В.Л. Боровиковского

ходах. А когда передышка в войне случалась, возвращался Лука домой и писал иконы. Это у Боровиков семейным делом считалось. Сейчас людей, которые иконы пишут, величают иконописцами, а раньше они назывались богомазами.

Вот ушел Лука на войну, храбро бился, да вышло однажды так, что отбился он от полка и попал в беду. Скачет во чистом поле, своих ищет, а тут откуда ни возьмись — турки! Бросился он в бой, саблей машет, а только врагов кругом видимо-невидимо. Окружили они казака — ни ускакать от них, ни победить.

— Господи, спаси и помилуй!

И вдруг стихло все. Замерли турки с поднятыми саблями, замерли кони их, поднятые на дыбы, даже клубяща-

Портрет Павла I в белом далматике

Богоматерь с младенцем

яся пыль под копытами — и та замерла. А у Луки над головой порхает невиданной красоты бабочка.

— Спасу я тебя, богомаз, — говорит. — Ты же отдашь мне то, что у тебя дома есть, а ты про это не знаешь.

Махнула крылышком — ожило все, да только повернули вдруг турки коней и умчались прочь. Стоит Лука Боровик один в чистом поле, перекрестился с благодарностью и смотрит, как бабочка — Божья посланница — летит все выше и выше.

Возвращается с войны казак целый и невредимый и узнает, что, пока он с врагами сражался, дома у него сын родился. Обрадовался Лука,

назвал его Владимиром и положил ему в люльку свою боевую саблю. Чтобы, мол, настоящим казаком вырос, не посрамил рода Боровиков. А про бабочку, которой дал обещание отдать сына, и позабыл.

Растет мальчик здоровый, сильный. Однако странный какой-то. Другие казачата на деревянных конях скачут, в войну играют, сабельками машут, о битвах мечтают, и Боровиков сынок с ними. Но вдруг посреди игры станет столбом и заглядится — то на цветущую яблоню, то на солнышко, садящееся за хаты...

— Ты чего? — тормозат друзья.

— Красиво-то как, — отвечает.

Дети с барашком

Глядят казачата: солнышко садится, ну и что? Подумаешь! Оно каждый день садится, что тут такого?

— А небо-то каким синим стало, и звезды выступили, — говорит Владимир.

— Подумаешь, — отвечают друзья, — эка невидаль — звезды! Пошли лучше играть!

А ему уже не до игры. Стоит, на небо смотрит: как оно цвет меняет, как синева все гуще, а звезды все ярче становятся. Махнут казачата рукой и побегут в войну доигрывать.

А когда Лука иконы сядет писать, тут уж и вовсе Владимиру не до игр. Встанет за спиной у отца и гля-

дит не отрываясь. Или краски растирает.

— Сделай-ка мне синюю, — велит Лука. И потом сердится: — Да не такую, потемнее.

— Не, тятя, не надо тут потемнее, ты попробуй, — упрямится Владимир.

Попробует Лука — и правда, лучше. Уж и сам Владимир иконы писать принялся, а когда нет заказов на иконы, он то хату нарисует, то яблони в цвету, то матушку, да так похоже, что все диву даются.

Придут соседи, глянут, пожмут плечами: красиво-то красиво, а только где это видано, чтобы добрый казак картинку малевал!

ГДЕ У
ИНВ. № 326625

Вот подрос Владимир, и пришла пора ему в полк поступать: казаки — люди военные. Надел младший Боровик казацкую форму, папаху, сапоги, красным кушаком подпоясаясь — красавец-казак! А только не лежит у него к войне сердце. Одногодки Владимировы о битвах мечтают, ждут не дождутся, когда же в поход, а он об этом и не думает, знай себе рисует.

Осерчал Лука на сына. Иконы писать — дело доброе, семейное, к тому же и деньги за то платят. А картинки мазать — ни к чему, не было в славном роду Боровиков мазил. И решил Лука запретить сыну рисовать. А у казаков слово отца — закон.

Портрет Муртазы-Кули-хана

Портрет поэта Гаврилы Романовича Державина

Вот как-то в степи, на учении, подзывает он к себе Владимира, тот подъезжает к нему на коне.

— Что, тятя? — спрашивает.

— Вот что я решил, сынку, — твердо говорит Лука, — с сего дня не смей более...

А дальше ни слова выговорить не может. Онемел. Испугался славный казак Лука и взмолился про себя: «Господи, спаси и помилуй!».

И вдруг стихло все вокруг — замерли кони на скаку, замерли казаки, и даже птицы-жаворонки в поднебесье замерли на лету. А у Луки над головой порхает бабочка красоты неопишуемой, все цвета радуги на крылышках у нее.

— Забыл ты уговор, казак, — говорит. — Отдал ты мне сына, и не

Портрет кн. Александра Борисовича Куракина

Император Александр I

казакom быть на роду ему написано, а художником.

— Прости меня, бабочка, — едва вымолвил Лука Боровик, — что забыл я наш уговор. А только никогда среди казаков мазил не было, смеются все над родом нашим.

Говорит ему бабочка:

— Не переживай, казак! Прославлен будет сыном твоим род Боровиков, но не саблей, а кистью его. И царей, и цариц, и царских слуг, и крестьян писать он будет, и останутся славные картины потомкам на долгую, добрую память...

Махнула бабочка крылом — оживило все вокруг.

Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке

— Что ты, тятя, сказать мне хотел? — Владимир спрашивает у отца.

Что тут скажешь, если уговор. А сын знай себе рисует и горя не знает.

И вот хоть и сомневался казак Лука, что кистью прославиться можно, а так все и вышло. Потому что через некоторое время отправилась царица Екатерина Великая в путешествие, а путь ее пролегал через Малороссию. Увидела она картины Владимира Боровика, и так они ей понравились, что пригласила она молодого художника

в столицу Российской империи — Санкт-Петербург.

Боязно Владимиру, но царям не перечат. Поехал. И через несколько лет стал едва ли не самым известным петербургским художником.

Все знаменитые люди той поры — вельможи, генералы, петербургские и московские красавицы — хотели, чтоб он их нарисовал. Потому что — шутка ли сказать — сама матушка-императрица Екатерина заказала Боровиковскому (так он стал теперь называться) свой портрет.

Это портрет был удивительным. Ведь царей считали почти богами, а потому принято было изображать их величественными и неприступными. А на портрете Боровиковского императрица гуляет в саду с собачкой и выглядит просто милой тетушкой.

Видно, одна из тайн, которые нашептала волшебная бабочка на ухо художнику, была такая: на портрете человека, пусть даже знаменитого царедворца или доблестного генерала, должно быть не только его величие, но и его душа, его характер.

Лизынька и Дашинька

Конечно, Боровиковский умел писать и парадные портреты, как тогда было принято: горделивая поза, бархатный камзол, шпага на боку, перстни на пальцах — чтобы всем было видно:

человек богат, знаменит, чин имеет высокий и очень горд собой.

Но он всегда хотел, чтобы был на портрете живой человек, а не только его чин. Рисовал ли Боровиковский юных девушек Лизыньку и Дашиньку, императора Павла или красавицу графиню Лопухину, он старался раскрыть их душу.

Через много-много лет после того, как Боровиковский на-

рисовал портрет Лопухиной, поэт Яков Полонский, взглянув на него, написал:

*Она давно прошла,
и нет уже тех глаз
И той улыбки нет,
что молча выражали
Страданье — тень любви,
и мысли — тень печали.
Но красоту ее Боровиковский
спас...*

Портрет Елены Александровны Нарышкиной

Портрет княжны Анны Гаврииловны Гагариной и княжны Варвары Гаврииловны Гагариной

Портрет Е.Н. Арсеньевой

Почти сорок лет прожил бывший казак в Петербурге, написал сотни портретов, и огромных, и совсем маленьких, которые называются миниатюрами, расписал несколько храмов, стал академиком, разбогател, но всю жизнь оставался человеком простым и отзывчивым. Его ученики жили у него в доме, и он не только учил их рисовать, но и кормил, выручал из бед и неприятностей. Ни слава, ни деньги, которые платили ему богатые заказчики за свои портреты, не сбили его с толку, и, как и в юности, главной его радостью оставались кисти и краски. Видно, не зря дивная бабочка спустилась на землю.

Вот такая сказка про казака Луку Боровика, его сына Владимира, который воевать не любил, а род свой прославил на века.

Портрет Марии Ивановны Лопухиной

СКАЗКА О МОСКОВСКОМ ХУДОЖНИКЕ

Василий Тропинин (1776—1857)

Много лет тому назад жил в Москве художник Василий Тропинин.

Все у него было — и здоровье, и молодость, и сила. Но не было самого главного — свободы, потому что он родился крепостным и принадлежал помещику. Сейчас это и понять трудно. А раньше у богачей были тысячи таких подневольных людей, которые на них работали.

Как ни терпелив был Тропинин, но однажды и он не выдержал.

— Господи, на что мне такая жизнь! Нет у меня больше сил! — сказал он.

Портрет А.И. Тропининой,
жены художника

Живописец

— Не тужи, — услышал он вдруг рядом чей-то голос. — Жизнь-то, она до-о-лгая.

Смотрит Тропинин — рядом с ним женщина сидит — не молодая и не старая. Платье на ней крестьянское, на голове простой платок.

— Да как же не тужить-то, — отвечает ей Тропинин, — я ведь художник. В самом Петербурге в Академии Художеств учился. Все хвалили меня, говорили, талант у меня необыкновенный. Медаль золотую дали. А потом хозяин мой, граф Морков, велел мне сей же час в деревню ехать. Так и кончилось мое учение.

И не молод я уже, и сын у меня подрастает, а только и слышу: Васька да Васька! То сараи да колеса для карет крашу, то торты узорами украшаю. Каждый день при графском

столе стою, закусками распоряжаюсь. Пропадает моя жизнь! Уж какие важные люди за меня просили, чтобы «вольную» барин мне дал, на свободу отпустил... А он и слышать не хочет. Хорошо, хоть дочерям в приданое не отдал. А то ведь обе просили им меня подарить, как какую-нибудь шкатулку...

— Знаю, знаю я всю твою жизнь с первой до последней минутки, — тихо сказала женщина. — Я ведь Берегиня твоя, всегда с тобой рядом. Вижу, как страдаешь ты, потому и пришла к тебе. Злая у тебя Судьба и трудно мне с ней бороться. Только ты сам можешь мне помочь.

— Ты скажи мне только, — взмолился Тропинин, — что ждет меня? Может, и правда, не на что мне надеяться?

Портрет А.С. Пушкина

Семейный портрет графов Морковых

— Все от тебя зависит, — ответила женщина. — Сумеешь неживое живым сделать — быть тебе свободным. Не сумеешь — твоя вина.

Это как же понимать-то? — удивился Тропинин. — Намекни хоть чуть-чуть!

Портрет К.П. Брюллова

Девушка с горшком

— Намекнуть-то я могу, — чуть улынулась Берегиня. — Что ты делать-то хочешь?

— Ну, художником хочу быть... — растерялся Тропинин.

— А как это по-русски называется!

Молчал-молчал Тропинин, а потом сказал задумчиво:

— Живописец... Живо...писец! Вот оно что!

— То-то! — сказала женщина и погладила его, как маленького, по голове. — Знаю я тебя — от работы ты не бегаешь, упорства и терпения тоже не занимать. Не отчаивайся. Ну, прощай пока!

И пропала.

А Тропинин с того дня пуще прежнего всякую свободную минутку своему искусству отдавал. Сколько

Девушка со свечой

Золотошвейка

Гитарист

Портрет Л.К. Маковской

раз засыпал прямо там, где работал! Все му он учился сам: и как правильно рисовать, чтобы человек куклой деревянной не казался, и как краски подбирать, чтобы они на картине превращались в человеческое лицо или блестящие ткани, как кисточкой к холсту прикасаться, чтобы краска тонко и гладко ложилась.

И часто изображал Тропинин не только своего хозяина, его детей и богатых знакомых, но и совсем простых людей — и молодых, и стариков.

Долго ли, коротко — а только минуло Тропинину сорок три года. Все му уж, вроде, научился, а все идет по-прежнему... И ни разу к нему его Берегиня больше не пришла. Устал Тропинин, измучился. Вот раз обхватил он голову руками и говорит:

— Нет, видно, лбом стену не прошибешь и судьбу свою не переупрямишь!

И слышит рядом певучий мягкий голос:

— Не горюй! Сам ведь знаешь: терпенье и труд все перетрут.

Оглянулся — опять сидит с ним рядом его Берегиня. Платье на ней вроде понаряднее, и платок серебряной ниткой сверкает.

Обрадовался Тропинин и говорит ей:

— Может, поможешь мне чем? Не знаю я, что еще должен сделать. Вон сколько портретов написал! И кажется мне, много я сумел такого, что другие делать не умеют. Главное, я людей такими, как в жизни, изображать стараюсь.

— Так-то оно так, — кивнула Берегиня. — А все-таки в жизни все

Женщина в окне (Казначейша)

Кружевница

Портрет Арсения — сына художника

Девочка с собакой

Мальчик с мертвым щеглом →

Мальчик со щеглом

и проще, и сложнее будет. И чем проще — тем сложнее!

— Опять ты загадками говоришь, — чуть не заплакал Тропинин. — погоди минутку!

Глядь — а ее уж и след простыл.

Дня через два кличет Тропинин к обеду сына. Бежит Арсюша, запыхался. Взглянул на него Тропинин и глаз оторвать не может. Лицо розовое, светлые волосы в колечки завились. Ноздри еще раздуваются от бега, рот чуть приоткрыт. Одежка простая: белая рубашка, жилет пестренький, как перышки у лесной птички, старенький сюртучок.

— Вот бы портрет такой сделать! — подумал Тропинин. — Да трудно будет — ничего яркого, нарядного нет.

Тут вспомнил он вдруг, что сказала ему Берегиня, и сразу все понял. И принялся за Арсюшин портрет.

Автопортрет на фоне Московского Кремля

Права оказалась Берегиня — передать такую простую красоту жизни труднее всего. Куда легче написать платье понаряднее, да украшения, да занавес какой-нибудь красный. Но ведь в жизни-то все другое...

Никто не знает, сколько мучился Тропинин, только сумел он все-таки сделать то, о чем мечтал! Нежные, прозрачные мазки одного цвета легли на другие так, чтобы нижние просвечивали изнутри. Зазолотились на солнце мягкие кудри, зарумянились щеки, загорелись живым блеском глаза. И появился на неживом куске холста, натянутом на рамку, совсем живой, будто на бегу остановившийся мальчик. А поближе подойдешь — кажется, что художник все сделал очень легко, играючи.

И опять появилась рядом с Тропининым его Берегиня. Платье на ней теперь было переливчатое, и платок отливал золотом.

— Видишь, сумел все-таки своего добиться! — сказала она ему, тихо улыбаясь. — Победил ты свою Судьбу. Жди, теперь скоро...

И исчезла навсегда.

И правда, скоро получил Тропинин долгожданную свободу.

А потом...

Потом стал Тропинин самым известным художником Москвы.

Портрет Екатерины Ивановны Корзинкиной в русском costume

И люди на его портретах были совсем как в жизни: в домашних халатах и тапочках, веселые, улыбающиеся, гостеприимные...

Сам великий Пушкин был у Тропинина в гостях и позировал ему.

А в конце жизни Тропинин написал свой собственный большой портрет. За его спиной — Кремль, в руках — палитра и кисти. Но всякий, кто увидит его круглое лицо, сразу поймет, что Тропинин остался прежним — простым, добрым и сердечным человеком.

Автопортрет

СКАЗКА О ХУДОЖНИКЕ И ДОМОВОМ

Алексей Венецианов
(1780—1847)

Жил да был давным-давно один художник — Алексей Гаврилович Венецианов. Роста он был небольшого, нрава доброго, на носу очки круглые, а глаза умные да острые — все примечают! Был он со всеми знаменитостями знаком, а вот сам знаменитым не был. Не мог он что-то свое, ни на кого не похожее найти.

И решил он уехать из Петербурга в свою деревню Сафонково.

Венецианов-то был человек небогатый и дом его был не из дорогих,

но, уж конечно, не то, что крестьянская изба, соломой крытая. Два этажа, комнаты просторные, окна большие. Развесил Венецианов картины на стенах, расставил статуи всякие, да и стал жить-поживать.

И вот как-то ночью слышит Венецианов, будто плачет кто-то внизу. Взял он свечку, халат накинул и пошел посмотреть, кто это в его доме завелся. Видит, жметесь в углу кухни что-то небольшое, лохматое и горько всхлипывает.

— Эй, ты кто такой? — спрашивает Венецианов.

А тот как подскочит от испуга! Повернулся к Венецианову, а лица-то за бородищей да волосищами и не видно, одни глазки заплаканные сверкают.

Утро помещицы

— Кто, кто... Домовой я твой, Филля, вот кто! — отвечает дерзко. — Ухожу я от тебя! А без домового дом стоять не будет. Накажу я тебя за твое басурманство! Увидишь!

— Да на что ты так рассердился-то? — удивился Венецианов. — Чем это мой дом хуже других?

— Ты почто всяких статуй голых понатаскал? Ведь страм смотреть! И на картинках-то все какие-то чужаки. Ночью словом перемолвиться не с кем! Болбочут чего-то по-своему, а меня и видеть не хотят! Уж не знаю, какой век в Расее своей живу, любой меня уважить старался, а теперь вроде и не нужен стал. Уйду, непременно уйду!

— погоди ты! — замахал руками Венецианов. — мода нынче такая. В Петербурге везде так.

А. Алексеев. Мастерская художника Венецианова в Петербурге

«Вот-те и батькин обед»

Девушка с бураком

— Дак в Питенбурге энтот, считай, ничего своего, русского нет. А ты понимать должен, что каждый сверчок свой шесток знает. Свое, чай, родное, не заемное!

— Ладно, Филя, не серчай, — говорит ему Венецианов. — Я и сам уж давно подумываю, как бы русскую дорожку в искусстве проложить. Да не так-то оно, брат, просто.

— А чего думать-то? — буркнул под нос Филя. — Потолкуй вон с Антиповым Захаркой. Совсем еще постреленок, а больше других понимает.

А Захарку этого Венецианов уже знал. Нос курносый, брови насупленные... Серьезный мужичок, хозяйственный, во всем мамане помощник — и на поле, и в огороде.

Крестьянка с васильками

Позвал его Венецианов в дом. Зашел Захарка в большую комнату — залу и оробел. Полы гладкие, потолки в узорах всяких. На подставках люди стоят неживые, из белого камня сделанные. А на столах руки-ноги отрезанные, носы да глаза огромные, белые совсем. Не иначе, по ним художники рисовать учатся.

— Нравится тебе у меня? — спрашивает Венецианов.

— Да уж... бога-ато, — прошептал Захарка.

— Смотри, это вот Италия, страна такая есть в теплых краях. А это главный бог у древних греков, Зевс называется. А это Венера. Самая красивая считается во всем белом свете.

Молчал-молчал Захарка да и брякнул вдруг:

— Не, барин, наша Палашка не в пример лучше!

— Какая это? — удивился Венецианов. — Пойдем-ка, покажи мне твою Палашку.

Подошли к одной избе, а навстречу выходит крестьянская девушка, в одной руке короб берестяной держит. И такая уж эта девушка статная, быстрая! Глаза горячие, нос прямой, рот маленький, а брови чуть нахмурены — не подходите, мол, ко мне с глупостями, делов у меня много.

«Да уж, — думает Венецианов, — эта, и правда, лучше всякой Венеры будет!»

А Захарка тянет его за рукав:

— Пойдем, барин, я тебе еще нашу Настю покажу.

Пришли к другому двору, заглянули за ограду — а там еще одна девушка у сарая сидит. Видно, притомилась: голову склонила, задумалась о чем-то. А на коленях василь-

Девушка с гармоникой

ки лежат — с поля принесла, венки плести. И лицо простое вроде, а хочется смотреть на него, не отрываясь.

Захарка видит, что барин глаз отвести не может, обрадовался, но опять Венецианова торопит.

Кормилица с ребенком

Портрет неизвестной

Захарка

На жатве. Лето

Спящий пастушок

— Пошли, барин, а то мамка заругается. Я тебе одно место покажу, лучше не найдешь!

Привел Захарка Венецианова на край поля и говорит:

— Ты постой тихо. Сразу-то ничего не увидишь.

Замер Венецианов, смотрит. Погода теплая, в вышине, невидимые глазу, жаворонки заливаются. Небо высокое-высокое, чуть голубеет, и по нему легкие облачка плывут. Земля словно дышит, — то здесь холм поднимется, то там. Тут кустик какой-то кудрявится, там березка ветви по ветру распустила, еще дальше елки зеленеют. Все знакомое, а словно в первый раз увидел. Вот оно, настоящее!

— Вишь, красота какая! — шепнул Захарка. — А в поле-то, на жатве, еще лучше. Воздух теплый, на травах настоящий, кажись, руками раздвигать надо, как воду. Как пшеница созреет да волнами золотыми пойдет, не нагладишься. А ты про Италию толкуешь.

Удивился Венецианов:

— Да тебе на художника учиться надо. Редко кто так все примечать может.

— Не нашенское это дело, — наступился Захарка. — И мамке одной с хозяйством не управиться. Пойду я, барин, пора мне.

Идет домой Венецианов и сам с собой разговаривает:

— Неужто такая красота искусства недостойна? Греческих да итальянских художников все знают. А русских вроде и нет совсем. А ведь люди-то у нас какие! Кто Наполеона победил, перед которым вся Европа дрожала? Опять же русские крестьяне. До Парижа дошли! А вернулись — и опять все будто забыли об этом. Нет, неправильно это!

Жнецы

Крестьянские дети в поле

Девушка в платке

И вот нарисовал Венецианов картиночку, а что с ней делать, не знает. Уж больно непривычная. Его крестьянка Авдотья на ней нарисована, как она свеклу на зиму чистит.

Пошел ночью Венецианов на кухню, Филя нехотя из-под печки вылез.

— Чего тебе? — говорит.

— Вот погляди-ка, — отвечает Венецианов. — Послать мне ее в Петербург, в Академию, или нет? Посмеются академики над моей картинкой. И так уж они на меня давно зубы точат.

Гадание на картах

Глянул Филя, довольно головой покивал и говорит.

— А ты не бойсь. И на академик-ков-то энтих не смотри. А пошли-ка ты ее прямо инператору.

— Да ты что! — испугался Венецианов. — Император мне совсем запретит в Петербурге появляться!

— Наша-то нечистая сила она и в Питере не перевелась, — ухмыльнулся Филя. — А уж коли за доброе дело возьмемся, мало кто супротив нас выстоит. Посылай, не бойсь!

Послал Венецианов свою картиночку. Ждет-пождет — глядь! — приходит царская благодарность, да в придачу еще и денег много. И говорят, его-то Авдотью в царских палатах повесили! В Бриллиантовой комнате, где самые сокровища висят!

Обрадовался Венецианов и решил гумно написать — сарай большой,

где зерно хранят, чтобы его дождем не намочило. Много он всяких картин чужестранных видел, на которых церкви да дворцы нарисованы. Да так все ловко, тонко! Вот и захотелось ему сделать что-то вроде этого, только совсем русское. Не долго думая, приказал Венецианов выпилить у гумна одну стенку, чтобы внутри все было видно. Ворчат крестьяне, недовольны, что хорошую вещь надо портить. А Венецианов еще велел подолгу стоять или сидеть спокойно, чтобы он их нарисовать мог. И опять крестьяне не рады — только время теряют, а работа в поле не ждет. Венецианов их утешает:

— Потерпите уж, это не для меня только нужно. Вот напишу картину,

Крестьянка Тверской губернии

Гумно

в Петербург пошлю, в столицу. Вас там сам император увидит!

И правда, написал он свое «Гумно», отвез в столицу, а ему за его картиночку аж три тысячи рублей дали! Это тогда огромные деньги были.

Обрадовался Венецианов, опять Филю ночью зовет, рассказывает, как хорошо все получается.

— И знаешь, что я еще думаю?.. — спрашивает Венецианов.

— Знаю, знаю, это ты правильно удумал, — кивает кудлатой головой Филя. — Не бойсь, сумеешь!

А придумал Венецианов дело удивительное. Решил он молодых людей рисованию учить — но не по старому, а по своей «методке». Чтобы не только великих чужестранцев изучали, а вокруг смотрели, лица русские, обычаи, природу изображали.

И ведь все получилось у него! Конечно, к Венецианову только совсем бедные приходили, кто в Петербурге, в Академии учиться не мог. Но что удивительно — в Акаде-

мии-то по многу лет учились. А у Венецианова — смотришь! — через год у ученика уже картинка на выставке висит. И люди на нее поглядывают да головами качают: как, оказывается, русская земля красива! Другая красота — не яркая, заморская — да ведь ничем не хуже! И лица-то у крестьян какие — сразу видно, что и умный человек, и добрый.

И в доме у Венецианова пришлось иностранцам потесниться. Везде новые картиночки висят: то пряха, то пастишок, то девчонка Капитошка, а вон и сам Захарка с топором на плече.

Как-то вышел Филя ночью в большой зал, а там ругаются все на чем свет стоит! Оказывается, распре-

красно могут эти Зевсы да Венеры по-русски говорить, только не хотели раньше.

— Картина должна быть большой и будить великие мысли! — важно сказал, подняв вверх палец, могучий Геракл.

— А вот и нет! У нас по-другому говорят: «мал золотник, да дорог!» — вдруг звонко выкрикнула Капитошка.

И все рассмеялись.

И Филя улыбнулся в свою дремучую бороду. Сумел все-таки Венецианов русскую дорожку в искусстве проложить!

На пашне. Весна

